

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

НОВГОРОДСКИЕ ОТКРЫТИЯ 2000 ГОДА

Редакционный отчет о командировке в Новгород 4—6 августа 2000 г.

13 июля 2000 года Троицкий раскоп в Новгороде принес археологам великое открытие: был найден древнейший памятник кириллической книжной письменности — книга (церы), датируемая рубежом X—XI веков — первой четвертью XI века.

«Когда в прошлом году мы добрались до рубежа первой и второй четверти XI века, — говорит академик РАН В. Л. Янин, — никакой мысли о том, что какие-то тексты будут найдены в следующем году, ни в одной голове нашей не было. Такой надежды не существовало, ибо это первый век письменности русской, совсем недавно Русь приняла крещение: последние десять лет X века и первая четверть XI века — лишь столь короткий «грамотный» период, ожидал нас в раскопе этого года. Но 13 июля сего года была обнаружена удивительная находка: книга, написанная на навощеных дощечках, так называемые церы, с громадным текстом — около 100 строк. Это рубеж X и XI в. — первая четверть XI века. Церы были найдены значительно ниже сруба, который Ольга Альбертовна Тарабардина дендрохронологически датирует 1036 годом».

Подробно о последних находках, представляющих интерес для филологов, рассказал академик РАН А. А. Зализняк. «Находок с текстом в этом году две, — говорит ученый, — одну можно квалифицировать как очень интересную, другую — не менее чем как великую. Первая находка — это берестяной документ с изображением на двух сторонах. На одной стороне — святая Варвара, на другой — Иисус Христос. Нечто вроде двусторонней иконки. С обеих сторон присутствуют элемент изобразительный (рисунки, правда, довольно примитивные, но явно имитирующие иконы) и текстовая часть. Текстовая часть включает надпись **Варвара** — над Варварой, а слева в кругу (в букве О) — А, то есть обозначение **Ѡ ѡуѠ** («святий»). Вторая надпись — на обороте: **Іс Хс**. И, наконец, третья надпись внизу святой Варвары — надпись очень любопытная, не очень понятная, о которой нужно сказать отдельно.

Прежде всего рассмотрим первый текст — слово «Варвара», который оказался чрезвычайно интересным с точки зрения палеографии. Выяснилось, что это недостающее звено — самое раннее в развитии палеографии на бересте. К сожалению, в нем всего три буквы повторяются: **В**, **Л** и **Р**. Но все три, в особенности буквы **В** и **Р**, оказались в точности того начертания, которое является древнейшим для берестяных грамот, и в то же время отсутствует в книжной письменности. Иными словами, уже в этот период обнаруживается расхождение манер письма в книгах и на бересте. Особенно буква **В** — я уже ее поместил в первое звено таблиц, которые еще не сданы в печать, — настолько

это оказалось информативным. Таким вот образом, эта маленькая надпись, так сказать, прародительница берестяных грамот, исходная точка того развития, которое потом дает великую новгородскую традицию писания на бересте. Датировка очень ранняя — примерно первое тридцатилетие XI века. Хотя это предварительная датировка и могут быть еще некоторые уточнения, вряд ли она сильно отклонится от этой даты. Таким образом, перед нами самый ранний ныне известный документ на бересте. И палеография данного текста идеально соответствует этому его хронологическому месту».

А. А. Зализняк обратил внимание на дату, помещенную внизу изображения Варвары. Прочтение этой даты на сегодняшний день — вопрос спорный и требует дальнейшего изучения. Однако сам факт желанья поставить дату там, где, казалось бы, в этом нет особой необходимости, в сопоставлении со сходными случаями в берестяных грамотах (в частности, с одной из знаменитых грамот мальчика Онфима) и в граффити, дает пищу для размышлений об особенностях менталитета наших грамотных предков. Характерно, в частности, как отмечает ученый, что в этих датах — особенно в сотнях и десятках — они нередко делали ошибки, вполне сходные с теми, которые и сейчас делают студенты, начинающие изучать древнерусскую систему записи чисел.

«Мечта найти книгу была всегда, — говорит ученый, — и всегда это было мечтой. Правда, один раз она осуществилась, когда найдена была грамота № 419 — крошечная (5 x 5 см) книжечка из бересты. Это и была первая находка книги в земле Новгородской. Но тогда это был маленький блокнотик, как бы миниатюра книги. Мечта найти настоящую книгу осуществилась только сейчас. Ибо то, что найдено, является не чем иным, как книгой, одной из ее форм. Конечно, мы привыкли считать, что книга того времени — это книга на пергамене. В самом деле, в то время книги на пергамене существовали. Но существовали и книги на воске — то, что называется цера, иначе — кодекс (слово “кодекс” первоначально применялось именно к книге такого рода).

Давно известно, что такие книги бытовали в античном мире, изобретение их восходит к глубокой древности. Можно было, конечно, предполагать, что и у нас они существовали, но прямых свидетельств этого не было. И вот не просто свидетельство, а безумным каким-то, немислимым чудом сохранилась книга рубежа X—XI века, содержащая текст на воске.

Второе чудо состоит в том, что текст на воске безупречно читаем — как написанный вчера. Это совершенно изумительная вещь, и тоже непредсказуемая. Дело в том, что несколько лет назад на десятом раскопе уже была найдена маленькая цера с воском, с остатками букв. Но там удалось разобрать лишь несколько букв. В целом текст оказался нечитаемым, и у нас сложилось представление, что даже если цера сохраняет воск, все равно прочесть ничего невозможно.

Последняя находка полностью это опровергла. Текст легко читается, гораздо легче, чем на бересте. В тех местах, где текст сохранился, он читается практически так же, как на пергамене. А сохранился он, увы, далеко не везде, об этом горько говорить. Пропала пятая часть воска. Но, к величайшему счастью, этот текст — псалмы, то есть текст, который мы знаем от первых слов до последних в разных вариантах.

Как я уже говорил, церы находили и раньше. Большая находка в свое время была сделана в Трансильвании в одной из золоторудных шахт — это античные церы II века. Подобная же находка обнаружилась в бочке при раскопках древнеримской виллы. Здесь хранилось 127 кодексов. И сохранились они великолепно! И, наконец, Помпеи, которые дают добрую половину того, что мы знаем об античном Риме. Таким образом, античные кодексы известны, и сейчас уже можно видеть, что устройство нашего кодекса в принципе совершенно такое же: он состоит из трех досок — это четыре страницы текста и две “обложки” (передняя и задняя). Очевидно, что это не обрывок и не часть, а, так сказать, выпуск некоторого собрания, некоторой книги, изданной (или

написанной) частями. Это вытекает из самого содержания. Перед нами два псалма: № 75 и 76¹ — средняя часть псалтыри, конец десятой кафизмы. Так что вполне естественно предполагать, что были и все остальные. И если так, то это была такая хорошая полка кодексов, метр, может быть, длиной, которая содержала все псалмы по порядку. И нам попался совершенно случайно один из них. Где все остальные? Все остальные использовались по назначению и не были потеряны, хорошо хранились. И вот, однако, от них ничего не осталось. А этот был как-то потерян или выброшен, и — вот такой парадокс! — через тысячу лет только он и является для нас представителем всей серии. Найти остальные, конечно, больших шансов нет.

Почему именно псалтырь? Общеизвестно, что псалтырь была самой читаемой книгой на Руси. По ней учились читать. Так что, если угодно, в этом смысле данная находка образует параллель с замечательной грамотой № 591, датируемой чуть позже — 30-ми годами XI века, — которая сохранила азбуку. И то и другое — атрибуты обучения грамоте.

Думаю, что количество псалтырей, которое существовало на Руси, превосходит сумму всех остальных книг, вместе взятых. Поэтому тот факт, что мы нашли именно псалтырь, со статистической точки зрения неудивительно.

Что представляет собой этот документ уже как конкретный письменный памятник? Ценность его огромна, потому что по некоторым предварительным расчетам — это самый ранний кириллический книжный памятник, ныне известный не только на Руси, но и во всем славянском мире. Древнее его только древнеболгарская эпиграфика X века, но это совсем другое, это еще не литература. А все литературные кириллические тексты, по-видимому, несколько моложе. Я говорю “по-видимому”, потому что из древнейших памятников этот — единственный датированный. Конечно, он датирован не годом, но для истории языка и истории культуры его археологическая датировка вполне достаточна.

Древнейший точно датируемый славянский памятник — Остромирово Евангелие 1056—1057 г. — примерно на полвека моложе. Что же касается других кириллических памятников — не только из Руси, но и из любых других частей славянского мира — то среди них Супрасльская рукопись и Саввина книга датируются XI веком. Но откуда эта датировка? Ни в какое сравнение с точностью археологической датировки, которую мы в данном случае имеем, она не идет. В работах аккуратных исследователей говорится прямо: “по традиции относится к XI веку”. Ибо с чем сравнивать? Только с Остромировым Евангелием, ранее этого никакой датированной книги в славянском мире нет. Все даты косвенные, и все — плюс-минус 50, 60, 70 лет. Отнесение Супрасльской рукописи и Саввиной книги именно к XI веку, а не к X и не к XII, — это, строго говоря, результат некоторых косвенных вычислений. Ныне все эти датировки будут подвергнуты критическому пересмотру на фоне найденного документа. Он послужит важной опорной точкой для исследования истории всей старославянской и всей древнерусской письменности. Нет никакого сомнения, что этот памятник будет изучаться годами и десятилетиями, про него будут написаны книги, он войдет во все “Истории славянской письменности” и “Сравнительные грамматики славянских языков”. Каждая буква будет иметь здесь какое-то значение в соответствующих анализах и подсчетах.

Итак, это самая ранняя книга Руси. Можно ли, перефразируя это утверждение, сказать, что это самая ранняя русская книга?»

Отвечая на этот вопрос, А. А. Зализняк указал, что в тексте имеется значительное число примеров характерного для русских писцов смешения буквы Ѡ с Ѣ, и буквы Ѧ с Ѣ. Возможность принадлежности текста к сербскому изводу исключается, так как замена Ѧ, произво-

¹ За 75-м и 76-м псалмами следует отрывок из 67-го псалма, роль которого еще предстоит исследовать.

дится по русскому, а не по сербскому образцу. Это свидетельства исчезновения носовых гласных, которое уже произошло в русском языке к этому времени.

«Следовательно, — продолжает ученый, — не может быть никаких сомнений: это текст, списанный со старославянского оригинала русским человеком.

Куда отнести Новгородскую Псалтырь² — к категории старославянских памятников или к категории церковнославянских? Поскольку текст содержит русские ошибки, это старейший церковнославянский памятник русского извода.

Возникает еще один, более деликатный вопрос: а нельзя ли попробовать узнать, к какой области Руси принадлежал переписчик? Очень интригующий вопрос: кто он был — киевлянин или новгородец? Но у нас очень мало для этого возможностей. В каноническом церковном тексте мест, где могли бы как-то проявиться диалектные различия, очень мало, потому что такой текст очень устойчив. Практически основное, чем для такого времени можно было бы отличить новгородца от киевлянина — это цоканье. И **ц** и **ч** встречаются в этом тексте достаточно часто — писец не ошибся ни разу. Конечно, это еще не доказательство того, что писал не новгородец: это вопрос квалификации писца. А перед нами текст, написанный, безусловно, великолепным писцом. Первый признак хорошего, опытного писца состоит в том, что устойчивость почерка очень высока.

И еще одно сравнительно интересное обстоятельство: в этом тексте со стопроцентной последовательностью используется буква **ѣ** вместо **ѡ** и **Ѣ**. Мягкость, тем самым, остается необозначенной. То есть это памятник одноерового класса.

Надо сказать, что в прошлом году и в позапрошлом был найден ряд берестяных грамот, написанных по этой системе. И чем древнее, тем больше таких грамот мы находим. Самая поздняя берестяная грамота, которая обладает этим свойством, — № 821 — датирована третьей четвертью XII века. И это уже архаизм, ибо одноеровость — очень древний признак, встречающийся в текстах XI—первой четверти XII в.

В течение долгого времени признак одноеровости рассматривался как род неграмотности. Тем более, что не всегда одноеровость проводится стопроцентно последовательно. В этом смысле перед нами почти уникальный памятник: в нем нет ни единого отклонения. Другие известные нам памятники, (кроме одного — Реймского Евангелия) дают, по крайней мере, несколько процентов отклонений. И вот перед нами книга, самая распространенная на Руси, написанная абсолютно последовательно по этой системе. Это переворачивает представление о том, что одноеровость — некое периферийное явление, ограниченное специальной узкой сферой. Мы видим, что одноеровая система была одной из двух самых древних графических систем древней Руси. И мы находим ответ, откуда взялись одноеровые берестяные грамоты. По-видимому, одноеровые берестяные грамоты — продолжение традиции той восковой письменности, представителем которой является цера. Гипотезу эту еще надо будет обдумывать и разрабатывать, и, возможно, вместо противопоставления двух систем — книжная письменность и берестяная письменность — к которому мы привыкли, мы будем иметь дело с тремя. Этот восковой документ отличается по ряду признаков — палеографических и даже графических — и от берестяных грамот, и от книжной письменности. Так, в целом ряде случаев используются знаки, почти или совсем отсутствующие во всех книжных памятниках XI века на Руси. Это характерное начертание **Р** — такого вида, примерно, как в “Варваре”, только чуть-чуть иначе: более круглое. Просмотр палеографических таблиц по всем книжным памятникам XI и даже XII века дает

² Исследователь полагает, что именно это название закрепится за найденным документом — как есть Синайская Псалтырь, Болонская Псалтырь.

³ Список «Жития» сохранил лишь два листа текста (РНБ. Погод. 64).

нам всего один памятник, где такое **Р** — “Житие Кондрата”³. Все остальные памятники дают **Р** другого вида. На бересте же такое **Р** встречается — здесь это одна из двух основных форм **Р**, и она существует в берестяных грамотах еще в течение более чем двухсот лет. В этом отношении восковое письмо сближается с берестяным и не имеет аналогов в книжной письменности. И теперь можно понять, откуда взялись на бересте так рано, уже в XI веке, начерки, отсутствующие в книжной письменности.

В других случаях, напротив, у **церы** есть кое-что общее именно с книжной письменностью.

Конечно, хорошо бы иметь столько же **церы**, сколько у нас берестяных грамот. Но пока сравнивать не с чем: те **церы**, о которых я упоминал, написаны на латыни.

Конечно, я попытался сравнить в чисто текстологическом отношении эту псалтырь с другими известными. По семи древним псалтырям я пробовал выявить различия. Их оказалось много. Почти 100 точек, где имеются расхождения только лишь по этим двум псалмам. Первый вывод: нет ни одной псалтыри, с которой наша совпадала бы везде. Но надо сказать, что при огромном числе псалтырей на Руси, это очень естественно. Тем более, что из дошедших до нас псалтырей к XI веку относятся всего три, так что можно говорить лишь о большей или меньшей степени сходства. Так, обнаруживается сходство с Синайской Псалтырью, хотя и не во всем. Но одно сходство, с текстологической точки зрения, в высшей степени впечатляет. Это сходство — одинаковые ошибки. А именно: **Воспойте Господу, пойте имени егѡ** — в Синайской Псалтыри вместо **имени** написано **имни**. Это, конечно, просто ошибка, никакой лингвистикой это не объясняется. Вещь совершенно поразительная — и в нашей псалтыри вместо **имени** написано **имни** — в том же месте, в той же фразе. Так что прослеживается возможность какого-то общего протографа. И это при том, что Синайская Псалтырь — глаголическая!

Есть некоторое сходство с так называемой Бычковской Псалтырью. Точной датировки Бычковской Псалтыри нет, но очевидно, что она моложе нашей. Я думаю, она правильно датируется XI веком. Конечно, ни одна с другой не списана, потому что расхождений между ними много. Но интересно то, что в Бычковской Псалтыри отмечены случаи **цоканья**, то есть она скорее всего написана в Новгороде. Есть и еще один документ, лингвистические и палеографические данные которого сближают его с Новгородской Псалтырью. Это уже упомянутое мною “Житие Кондрата”.

*Исследование книги продолжается. Тексты найдены не только на воске, но и на деревянной части **церы**. И филологические открытия здесь еще впереди. Суммируя и определяя значение этой уникальной находки, академики В. Л. Янин и А. А. Зализняк говорят, что сегодня можно утверждать: было два великих события в истории Новгородской экспедиции. Одно — 26 июля 1951 г. — находка первой берестяной грамоты, и другое — 13 июля 2000 г. — находка **церы**. «И каждое из них, — заключает А. А. Зализняк, — открывает целую эпоху».*

Отчет подготовлен Е. Л. Конявской и С. В. Конявской

